

А

дорога, по которой мы преслѣдовали французовъ, была въ полномъ смыслѣ, проселочная, покрытая на полъ-аршина снѣгомъ, который хотя и былъ усердно утаптываемъ бѣжавшими французами, но за всѣмъ тѣмъ, по узкости ея, мы растянулись до бесконечности. Когда полкъ былъ собранъ, то непріятель, занимая по обѣимъ сторонамъ дороги лѣсъ, отступалъ уже не такъ скоро. Пользуясь этою медленностью, кавалеристы наши, съ проводниками, обогнавъ окольными путями непріятеля, узнали, что находившійся впереди лѣсъ скоро кончится и что за нимъ дорога идетъ полемъ, къ селу Княжому, чрезъ находившійся при селеніи мостъ, о чемъ немедленно и донесли полковому командиру. По полученіи сказаннаго донесенія, Полковникъ Крыжановскій рѣшился, во чтобы то ни стало пересѣчь отступление французовъ къ мосту и, отгнѣсивъ въ березовую рошу правѣ села Княжаго, первымъ батальономъ атаковать съ фронта, второму зайти въ тылъ, а третьему слѣдовать по кустамъ и поддерживать сообщеніе между первымъ и вторымъ батальонами. Общее нападеніе должно было совершиться тогда, когда второй батальонъ, зайдя въ тылъ, дастъ о томъ знать полковому командиру. Распоряженіе это немедленно приведено въ исполненіе слѣдующимъ порядкомъ.

„Стрѣлки 1-го батальона усилены были еще однимъ взводомъ, и храбрый Кожинъ выслушавъ приказаніе полковаго командира, исполнилъ его такъ, какъ только могъ ожидать всякій изъ насъ, знавшій прекрасную душу этого отличнаго офицера, его самоотверженіе и хладнокровіе. Идя по пятамъ французовъ и выгнавъ ихъ въ поле, Кожинъ быстро собралъ стрѣлковъ въ колонну, повернулъ ее налѣво и повелъ бѣглымъ шагомъ впередъ“. Вмѣстѣ съ Поручикомъ Кожинымъ въ стрѣлкахъ сражался и помогалъ ему Прапорщикъ Медвѣдевъ ⁹.

„Пробѣжавъ такимъ образомъ болѣе полуверсты, онъ сталъ на одной высотѣ съ головою колонны непріятеля, отступавшаго къ мосту. Дѣйствія его, вполне постигнутыя полковымъ командиромъ, были отлично поддержаны Капитаномъ Вельяминовымъ, подъ командою котораго образовалась вторая цѣпь застрѣльщиковъ. Этимъ движеніемъ Кожинъ получилъ возможность дѣйствовать смѣлѣе и въ виду своихъ и французовъ заслужилъ непритворное одобреніе;—съ горстью бывшихъ у него стрѣлковъ, онъ сталъ твердою ногою у моста и дѣйствуя, то бѣглымъ огнемъ, то штыками, отбилъ французовъ отъ моста и отгнѣсилъ ихъ въ березовую рошу, гдѣ они оставлены были, на нѣкоторое время, безъ преслѣдованія“. Мостъ, находившійся въ тылу стрѣлковъ 1-го батальона, былъ сожженъ по приказанію Капитана Ушакова, командовавшаго въ сраженіи этимъ батальономъ; такимъ образомъ движеніе противника въ эту сторону было окончательно преграждено ¹⁰.

„Между тѣмъ 2-й батальонъ, подъ командою Полковника Штевена, имѣя при себѣ проводника пошелъ въ обходъ и, скоро дойдя до рѣки, повернулъ налѣво по берегу, но какъ берегъ этотъ былъ узокъ до того, что батальонъ не могъ слѣдовать, не токмо въ отдѣленіяхъ, но даже и въ два ряда, а притомъ не зная положительно, находятся ли французы въ рошѣ или уже успѣли перейти рѣку по льду, Штевенъ послалъ нѣсколько человѣкъ впередъ осмотрѣть берегъ. Посланные для сего люди, возвратясь очень скоро донесли, что непріятель дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ попытку перейти рѣку, но по тон-

А

кости льда не могъ этого сдѣлать, и что они видѣли нѣсколько человѣкъ, провалившихся въ воду. Опасаясь внезапнаго нападенія французовъ въ лѣсу, батальонный командиръ нашъ разсыпалъ въ стрѣлки 5-ю роту, подъ командою Капитана Волкова, и приказалъ ему, составивъ передовую цѣпь, двигаться впередъ наравнѣ съ головою батальона и такимъ образомъ 2-й баталіонъ, подаваясь впередъ, прошелъ болѣе полуверсты. Совершая это движеніе, Полковникъ Штевенъ послалъ Поручика Энгельгардта къ полковому командиру съ извѣстіемъ, что онъ обошелъ островъ и находится въ тылу непріятеля. Но

Сраженіе подъ Краснымъ 5-го Ноября 1812 года.

прежде чѣмъ Энгельгардтъ успѣлъ доскакать къ первому батальону, непріятель открылъ насъ и завязалъ перестрѣлку съ стрѣлками 5-й роты, бросаясь съ большимъ ожесточеніемъ на голову батальона, остановившуюся для собранія отсталыхъ. Къ счастью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, берегъ около рѣки образовалъ довольно большую площадку: такъ что на ней три роты наши, немедля выстроившись и перекрестясь, съ крикомъ „ура“, бросились въ лѣсъ; я же, какъ батальонный адъютантъ, для поддержанія мужества, шелъ съ своими барабанщиками на правомъ флангѣ и билъ изъ всѣхъ силъ въ барабаны. Тревогу эту слышали Финляндцы и 1-й баталіонъ бросился въ штыки съ другой стороны, а 3-й,

едва вышедши изъ лѣсу, подоспѣлъ уже къ концу этой кровавой драмы. Въ этомъ видѣ,—говоритъ Казинъ,—сраженіе продолжалось недолго“;

Полковникъ Крыжановскій рапортовалъ объ окончаніи сраженія такимъ образомъ: „непріятель былъ истребленъ въ полчаса; остальная же часть добровольно сдалась въ плѣнъ“.

„Этимъ заключили мы сраженіе,— продолжаетъ Казинъ,—и, собравъ раненыхъ, какъ нашихъ такъ и непріятельскихъ, полкъ нашъ, исполненный радости, отправился на ночлегъ въ село Княжево, принадлежащее помѣщику Палицыну, гдѣ, сверхъ ожиданія, мы нашли значительные запасы всякой провизіи, какъ-то: сухарей, муки, вина и до 50 штукъ рогатаго скота; все это, какъ по справкамъ оказалось, было запасено французскими провіантскими комиссарами для своихъ, но досталось намъ; а какъ при насъ не было ни обозовъ, ни ранцевъ, потому что первые остались за 15 вер., а вторые за 7, то легко можно вообразить, какъ все это было кстати для проголодавшихся офицеровъ нашихъ и солдатъ“.

Такъ заканчиваетъ Д. Н. Казинъ свое повѣствованіе о боѣ Л.-Гв. Финляндскаго полка 31 октября.

Дѣло при селѣ Княжемъ, какъ отозвался о немъ Цесаревичъ въ своемъ рапортѣ главнокомандующему, „дѣлаетъ особенную честь Лейбъ-Гвардіи Финляндскому полку“¹¹. Такая лестная оцѣнка была заслужена полкомъ не даромъ. Бой этого дня, почти исключительно штыковой, позволилъ полку выказать свои высокія боевыя качества. Искусное веденіе самостоятельнаго боя и не менѣе искусное управленіе полкомъ командира полка, Полковника Крыжановскаго, распорядительность, умѣнье офицеровъ руководить своими частями въ бою и твердая рѣшимость доводить ихъ до штыкового удара, исполнительность и беззавѣтная храбрость Финляндцевъ — нижнихъ чиновъ — выказались здѣсь въ полной мѣрѣ.

Весьма интересны реляціи о дѣйствіяхъ чиновъ полка въ бою 31-го октября. О Полковникѣ Крыжановскомъ въ нихъ говорится, что „расторопности, отмѣнному мужеству и благоразумнымъ его распоряженіямъ должно приписать истребленіе.... цѣлаго непріятельскаго отряда.... который былъ открытъ вблизи самой Главной квартиры арміи нашей и могъ бы... обезпокоить оную“¹². Такимъ образомъ, это указываетъ на важное значеніе сраженія у Князова въ тотъ моментъ для нашей Главной квартиры и вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ еще большую цѣну дѣйствіямъ чиновъ полка. Въ реляціи о Капитанѣ Вельяминовѣ упоминается, помимо храбрости, объ его „умныхъ распоряженіяхъ“. Воздана хвала мужеству: остальныхъ участвовавшихъ въ сраженіи офицеровъ о Капитанѣ Волковѣ сказано, что, будучи откомандированъ со ввѣренною ему ротою, ходилъ съ ней въ штыки „на гораздо сильнѣйшаго непріятеля“; непріятельскіе офицеры были взяты въ плѣнъ: Капитаномъ Офросимовымъ 4-мъ, Штабсъ-Капитаномъ Ахлестышевымъ, Подпоручикомъ барономъ Саргеромъ и Прапорщиками: княземъ Дуловымъ и графомъ Цукато¹³. Плѣненіе ихъ происходило почти исключительно при дѣйствіяхъ полка штыками.

„Штыковой бой полка производилъ сильное впечатлѣніе,—говоритъ Д. Н. Казинъ—¹⁴ и представлялъ собою страшную картину. Здѣсь офицеры и солдаты, сражаясь рядомъ, соперничали въ воинскихъ доблестяхъ и храбрости.

„Между множествомъ ужасныхъ сценъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, не могу за-

А

быть минуту опасности, въ которой находился командиръ 2-й гренадерской роты, М. Я. Палицынъ. Надобно сказать, что я очень любилъ и уважалъ этого человѣка, и выходя изъ С.-Петербурга въ походъ, былъ порученъ ему отцемъ моимъ и жилъ съ нимъ и Полковникомъ Штевенемъ въ одной артели. Когда колонна наша бросилась въ штыки на непріятеля, то Палицынъ, какъ командиръ гренадерской роты, приказалъ мнѣ съ моими барабанщиками быть подлѣ него, и мы, пройдя нѣсколько сажень впередъ, очутились лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полувзводомъ французовъ, бодро шедшихъ къ намъ на встрѣчу. Палицынъ, выдвинувшись впередъ, первый закричалъ „ура“, за нимъ бросилась его рота и отгѣснила его такъ, что онъ остался шагахъ въ пяти отъ праваго фланга, и въ минуту, когда солдаты наши развѣдывались съ французами, одинъ изъ нихъ, отдѣляясь, бросился съ ружьемъ на перевѣсъ на Палицына, занесъ уже руки, чтобъ нанести ударъ, но поскользнувшись упалъ навзничъ и выпустилъ изъ рукъ ружье; все это сдѣлалось такъ скоро, что я долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, увидѣвши Палицына невредимымъ; бѣдный французъ, напавшій на него, былъ немедленно заколотъ“.

Потери противника были громадны: большая часть отряда была уничтожена полкомъ; въ плѣнъ было взято: 3 штабъ-офицера, болѣе 20 офицеровъ и 495 нижнихъ чиновъ * 15.

Потери полка, сравнительно, были очень незначительны: убито: унтеръ-офицеровъ 1, рядовыхъ 21; ранено: оберъ-офицеровъ 1—Прапорщикъ Нечаевъ, унтеръ-офицеровъ 3, музыкантовъ 2, рядовыхъ 67 16. Принимая во вниманіе численность полка въ день сраженія (39 офицеровъ, 124 унтеръ-офицера, 51 музыкантъ и 1195 рядовыхъ), получимъ, что, въ процентномъ отношеніи потери полка за этотъ день составляли: убитыми 1,6%, ранеными 5,2%, а всего 6,8%. Раненые нижніе чины полка были помѣщены въ с. Княжомъ, гдѣ для нихъ былъ устроенъ лазаретъ полковымъ лѣкаремъ Гибнеромъ, оставленнымъ при нихъ же.

Взятые въ плѣнъ французскіе офицеры были препровождены Поручикомъ Казинымъ въ Главную квартиру. Одежда этихъ офицеровъ ярко иллюстрировала то ужасное положеніе, въ которомъ находились тогда войска „великой арміи“. Она была настолько легка, что во время перевозки ихъ на подводахъ въ Главную квартиру они къ полдорогѣ стали застывать отъ холода. Что бы дать имъ хоть нѣсколько отогрѣться Поручикъ Казинъ остановился на часъ времени въ попутной деревнѣ. „На этомъ-то привалѣ,—разсказываетъ Д. Н. Казинъ,—большая часть изъ нихъ, чувствуя сильную боль въ ногахъ, сняли съ себя сапоги, которыхъ уже не могли надѣть, потому, что ноги у нихъ распухли, и затѣмъ явились ко мнѣ съ ногами, обвязанными разными тряпками и соломой, увѣряя меня, что эта обувь для нихъ покойнѣе и лучше“.

Къ наградамъ за сраженіе при Княжомъ чины Л.-Гв. Финляндскаго полка были представлены одновременно съ наградами за сраженіе подъ Краснымъ, у с. Добраго, послѣдовавшимъ черезъ нѣсколько дней—5 ноября, гдѣ полкъ особенно отличился.

Соединеніе въ реляціяхъ сраженій при Княжомъ и при Красномъ послѣдовало по

* Эти цифры не сходятся съ показанными въ рапортѣ Полковника Крыжановскаго отъ 1 ноября за № 811, но взяты нами какъ позднѣйшія.

распоряженію Кутузова въ виду близости ихъ по времени, какъ-то дѣлалось тогда и относительно другихъ сраженій, напримѣръ, сраженій при Шевардинѣ и Бородинѣ, соединенныхъ тоже въ одно.

Однако списки награжденныхъ позволяютъ отдѣлить эти два сраженія одинъ отъ другого по наградамъ чиновъ полка. Такъ, эти списки показываютъ, что за сраженіе при Княжомъ, 31-го октября чины Л.-Гв. Финляндскаго полка получили слѣдующія награды ¹⁷:

А) Офицеры: Подпоручики Крекшинъ и Казинъ и Прапорщики: графъ Цукато и Медвѣдевъ получили золотыя шпаги съ надписью „за храбрость“; Штабсъ-Капитаны—Палицынъ, Волковъ 2-ой, Вельяминовъ, Офросимовъ 3, Офросимовъ 4 и Ахлестышевъ были награждены орд. Св. Анны 2 степ. съ алмазами; прочіе офицеры были награждены орд. Св. Анны 3 степ. *.

Б) Нижніе чины: представлено къ знаку отличія военнаго ордена 4 унтеръ-офицера и 55 рядовыхъ, а въ общемъ—59, не считая 2-хъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ этотъ орденъ за Бородино и представленныхъ къ добавочному жалованью.

Отличившись въ бою при с. Княжомъ, Л.-Гв. Финляндскій полкъ, черезъ нѣсколько дней, принялъ доблестное участіе въ большомъ сраженіи противъ главныхъ силъ Наполеона, подъ г. Краснымъ. Обстоятельства приведшія къ этому сраженію были таковы:

Пребываніе въ Смоленскѣ, полусожженномъ и полуразрушенномъ, при отсутствіи тамъ продовольственныхъ припасовъ, было невозможно для французской арміи, тѣмъ болѣе, что русскія главныя силы двигались на перерѣзъ сообщеній ея съ Оршей, а корпуса Чичагова и Витгенштейна на путь ея отступленія. Наполеонъ рѣшилъ отступать отъ Смоленска по кратчайшей дорогѣ на Оршу. Морозы болѣе 15⁰, необходимость ночлеговъ въ деревняхъ и трудность сбора продовольствія заставили его двинуть свою армію частями. Для этого вся французская армія, насчитывавшая тогда въ своихъ рядахъ всего 50 тысячъ человѣкъ при 30 тысячахъ безоружныхъ, была раздѣлена на пять эшелоновъ, выступавшихъ изъ Смоленска послѣдовательно одинъ за другимъ, день за днемъ. Выступление рѣшено было начать 31 октября и окончить 5 ноября.

Движеніе каждой колонны французскихъ войскъ представляло собою печальную картину: впереди двигались повозки обоза, окруженные толпами безоружныхъ солдатъ, отбившихся отъ своихъ частей, голодныхъ и отъ слабости едва передвигавшихъ ноги; тощія и ослабѣвшія лошади едва тощили повозки, артиллерійскіе ящики и орудія, причемъ въ каждой запряжкѣ было болѣе десятка этихъ измученныхъ лошадей; за обозами шли войска, не превышавшія численностью толпу безоружныхъ людей; всѣ солдаты были голодны и едва не замерзали.

Распределеніе войскъ по эшелонамъ было слѣдующее: 1-й эшелонъ—остатки корпусовъ Понятовскаго — 1¹/₂ тысячи человѣкъ; 2-й — молодая и старая гвардія — 15 тысячъ при гвардіи слѣдовалъ Наполеонъ; 3-й эшелонъ — корпусъ вице-короля — 12 тысячъ;

* Офицеры эти были слѣдующіе: Подпоручикъ Ступининъ 2; Прапорщики: Траубенбергъ, Богдановичъ, князь Дуловъ, Трофимовъ, баронъ Саргеръ, Карновичъ 1, Карновичъ 2, Левашевъ, Ртищевъ и Фохтъ.